то же почти в тождественных выражениях, но подлинность этого послания вызывает справедливые сомнения.[1] Итак Максим Грек стоит на той же точке зрения, что и Фотий, но он гораздо ближе подходит к рассматриваемой форме судопроизводства. Он прежде всего указывает на два злоупотребления, связанные с «полем»: во-первых, присуждение «поля» судьями и властелями из-за корыстных побуждений даже в тех случаях, когда против обвиняемого единогласно показывает вся масса свидетелей («аще и весь градъ предстанетъ вопіющъ и свидетельствующъ на обидѣвшаго»)[2]; во-вторых, применение враждующими сторонами чародейства и волхования с целью помочь своему бойцу («полевщику»). Наконец, Максим высказывает осуждение «поля», как безумного обычая, не существующего даже у неверных, которые всякую тяжбу разрешают или показаниями достоверных свидетелей, или присягой. Только ради неправедной корысти придумано у нас это «богомерское судилище». Выступление Максима против «поля» нашло себе красноречивый отзвук через несколько лет в законопроектах и законодательстве 50-х годов XVI в. 17-й вопрос так называемых вторых царских вопросов Стоглава целиком посвящен изображению тех суеверных волхований, к каким прибегали участники «поля». В то время как Максим Грек писал: «взыскуется отъ обидящаго и чародѣй и ворожея, иже возможетъ дѣйствомъ сатанинскимъ пособити своему полевщику»,[3] здесь, в 17-м вопросе то же самое описывалось подробнее: «Нѣцые же непрямо тяжутся и поклепавъ крестъ цѣлуютъ или образы святыхъ и на поле бьются и кровь проливаютъ. И въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творятъ, кудесы бьютъ и во Аристотелевы врата и въ Рафли смотрятъ и по звѣздамъ и по планитамъ глядаютъ и смотрятъ дней и часовъ, и тѣми дьявольскими дѣйствы миръ прельщаютъ и отъ бога отлучаютъ. И на тѣ чарованія надѣяся, поклепца и ябедникъ не мирится и крестъ цѣлуетъ и на поле бьются и поклепавъ убиваютъ».[4] В ответ на этот вопрос собор постановил, чтобы правительством были приняты меры как против чародеев, так и против тех, кто станет пользоваться их услугами.[5] Вместе с тем, как известно, Стоглав другими своими постановлениями принял меры к ограничению «поля»: 1) запрещено было присуждать «поле» священникам

[1] Памятники старинной русской литературы, т. IV, стр. 186—188 Сомнение в принадлежности послания митр. Петру высказано Е. Голубинским. История русской церкви, II, первая полов, стр. 118, 119

[2] Каз. изд., II, стр. 201.

[3] Каз. изд., II, стр. 202.

[4] Стоглав, изд. 3-е, стр. 86, Казань, 1912.

[5] Соответствующие распоряжения вскоре были сделаны: Акты исторические, I, 252.